

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-491-494

Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.

ЦАРАПКИН Денис Петрович,
аспирант 2 курса Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени
Н. П. Огарёва
e-mail: carapkind98@mail.ru

КАК БАНКРОТСТВО БИЗНЕС-АКТИВОВ ВЛИЯЕТ НА ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА СУПРУГОВ: ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ СЕМЕЙНЫМ И КОНКУРСНЫМ ПРАВОМ

Аннотация. В работе изучаются точки пересечения и конфликты семейного законодательства и правил о банкротстве, когда у гражданина-должника имеются бизнес-активы. Проанализировано 210 судебных решений за 2020–2025 гг. с помощью формально-юридического, сравнительного и контент-анализа. Выделено три основных проблемных блока: признание долгов общими, раздел активов, которые невозможно отделить от личности должника, и столкновение исполнительского иммунитета на жильё с претензиями кредиторов. В 71% дел супруг, не являющийся должником, не смог добиться удовлетворения своих требований вне очереди. Презумпция общности долгов использована в 83% споров, опровергнута – лишь в 9%. Обнаружена выраженная корреляция ($r=0,78$) между тем, что должник – единственный участник ООО, и отказом в выделе доли в натуре. Сделан вывод об отсутствии надёжных механизмов защиты добросовестного супруга и о необходимости законодательно разделять предпринимательские и потребительские долги.

Ключевые слова: банкротство физического лица, общая собственность супругов, конкурсная масса, активы бизнеса, разделение долгов, коллизия норм, добросовестность супруга.

TSARAPKIN Denis Petrovich,
2nd year postgraduate student National researcher N.p. Ogarev
Mordovian State University

PROPERTY RIGHTS OF SPOUSES IN BANKRUPTCY OF BUSINESS ASSETS: COLLISION OF FAMILY AND INSOLVENCY LEGISLATION

Annotation. The study explores conflicts between family law and insolvency rules in cases where a bankrupt citizen holds business assets. Based on 210 court decisions (2020–2025) and using formal-legal, comparative and content analysis methods, three main conflict clusters are identified: classification of obligations as joint, allocation of shares in assets that are inseparable from the debtor, and the tension between homestead exemption and creditor claims. In 71% of cases the non-debtor spouse was refused out-of-order relief; the presumption of joint debts was applied in 83% of disputes and rebutted in only 9%. A strong correlation ($r=0.78$) between being the sole member of an LLC and refusal of in-kind allocation was found. The results indicate insufficient protection for the bona fide spouse and call for legislative differentiation of entrepreneurial and consumer debts.

Key words: individual bankruptcy, common property of spouses, bankruptcy estate, business assets, debt division, conflict of norms, spouse's good faith.

Введение

После того как в России с 2015 года широко распространилась процедура банкротства граждан, стал очевиден серьёзный разлад между нормами семейного права и законодательством о несостоятельности. Семейный кодекс исходит из того, что всё нажитое в браке – общее, и долги

тоже по умолчанию общие. Конкурсное право, напротив, нацелено на то, чтобы собрать как можно больше имущества для расчётов с кредиторами. Наибольшие сложности возникают, когда у должника есть активы, используемые в предпринимательской деятельности: доли в ООО, акции, права по корпоративным договорам. Формально такие

объекты входят в общую собственность супругов, но их изъятие в конкурсную массу может фактически разрушить бизнес.

В литературе эти вопросы уже поднимались. Р.С. Бевзенко подробно разбирал практику Верховного Суда РФ по разделу имущества супругов в банкротстве, указав на такие узкие места, как квалификация долга и судьба единственного жилья [1; 3]. В.А. Микрюков изучал пределы имущественной ответственности супруга по долгам, связанным с предпринимательством, и обратил внимание на размывание границ личной ответственности [2; 4]. Т.П. Шишмарева в своей монографии сравнила российский подход с немецким институтом освобождения от долгов [5]. Однако судебная практика быстро меняется, появляются новые разъяснения высших судов [11], и требуется их постоянное эмпирическое переосмысление. Цель этой работы – выявить основные коллизии узлы и на основе количественных данных предложить способы их снятия. Для этого мы решали следующие задачи: посчитать, как часто суды применяют презумпцию общности долгов; классифицировать типичные возражения супруга-недолжника; выяснить, от чего зависит исход спора о выделе доли из предпринимательских активов; оценить влияние разъяснений высших судов на практику.

Материалы и методы

Мы изучили 210 определений и постановлений арбитражных судов первой и кассационной инстанций, вынесенных с января 2020 по март 2025 года. Отбирались дела о банкротстве граждан, которые либо имели статус ИП, либо владели долей в коммерческой организации более 50%. Поиск в картотеке арбитражных дел велся по запросам «общее имущество супругов» и «конкурсная масса». Включались только те дела, где супруг-недолжник возражал против включения имущества в конкурсную массу или требовал его раздела. Чтобы выборка была репрезентативной по географии, мы распределили акты по федеральным округам: Центральный – 52, Северо-Западный – 41, Приволжский – 34, Уральский – 32, Сибирский – 28, Южный – 23. Из анализа исключены споры с бывшими супругами, которые уже разделили имущество до начала банкротства. Общую динамику банкротств мы учитывали по данным ЕФРСБ: в 2023 году число процедур реализации имущества граждан превысило 300 тысяч [12].

Методика включала три составляющие. Во-первых, формально-юридический анализ статей 34, 39, 45 СК РФ [9] и статей 213.25, 213.26 закона о банкротстве [10], а также постановления Пленума ВС РФ № 48 [11]. Во-вторых, сравнительно-правовой метод – российские подходы сопо-

ставлялись с немецкой доктриной освобождения от долгов (*Restschuldbefreiung*) [5]. В-третьих, количественный контент-анализ: мы закодировали более 30 бинарных переменных для каждого судебного акта (отказ в выделе доли, упоминание мнимости брачного договора, учёт интересов детей и т.д.). Статистическая обработка включала расчёт описательных статистик и коэффициента корреляции Пирсона для выявления связей между доводами супруга и решением суда.

Результаты

Количественный анализ показал, что полный отказ в удовлетворении требований супруга-недолжника встречается в 71% дел. Частичное удовлетворение (признание права на половину стоимости актива, но без выдела в натуре) – в 19%. И лишь 10% судебных актов заканчиваются выделом доли с исключением её из конкурсной массы. В последнюю группу попадают в основном ситуации, когда бизнес-актив представляет собой небольшой пакет акций, не дающий корпоративно-го контроля и не обременённый договорами.

Презумпция общности долгов (абзац 2 п. 2 ст. 45 СК РФ, п. 5 постановления Пленума ВС № 48) применялась судами в 83% дел при наличии доказательств предпринимательского характера задолженности. Опровергнуть её удалось лишь в 9% случаев – супруги представили убедительные доказательства иного происхождения долга. В оставшихся 8% вопрос о характере долга вообще не поднимался. Примечательно, что в 64% дел, где супруг ссылался на раздельное ведение хозяйства и фактическое прекращение брачных отношений, суды этот довод отклонили, указав на отсутствие официального расторжения брака в ЗАГС.

Между статусом должника как единственного участника ООО и отказом в выделе доли супругу в натуре обнаружена сильная положительная корреляция (коэффициент Пирсона $r = 0,78$). Суды мотивируют это тем, что дробление доли угрожает корпоративному управлению и может остановить хозяйственную деятельность, а кредиторы рассчитывают на стоимость бизнеса как действующего предприятия. В 12% дел суд всё же допускал продажу всей доли с торгов, но при этом имущественное право супруга превращалось в денежное требование, которое удовлетворяется после реестровых кредиторов – на практике это практически обесценивает его защиту.

Проблема единственного жилья проявилась в 22% дел: должник и его семья жили в помещении, купленном на доходы от бизнеса, причём его площадь и качество многократно превышали обычные социальные нормы. Ссылаясь на позицию Конституционного Суда РФ о допустимости взыскания на «роскошное» жильё, суды в 78%

таких дел отказывали в исключении объекта из конкурсной массы. При этом они признавали, что супруг сохраняет право на часть выручки от продажи, но опять же в той очерёдности, которая установлена законом о банкротстве [10; 11]. Алиментные обязательства и интересы несовершеннолетних детей учитывались через предоставление замещающего жилья, однако реально оно приобреталось за счёт конкурсной массы лишь в 4% дел.

Обсуждение

Наши данные не вполне согласуются с мнением некоторых авторов, которые считают, что для защиты прав супругов достаточно обычных гражданско-правовых механизмов оспаривания сделок [6, с. 27]. Статистика отказов в выделе доли показывает, что на практике конкурсное право фактически отменяет режим совместной собственности, как только один из супругов становится должником в деле о банкротстве. Суды рассуждают так: главная цель конкурсного производства – пропорционально удовлетворить кредиторов, и она перевешивает цель охраны семьи. В литературе это подвергается критике [4, с. 35; 8, с. 44], но на сегодня такой подход доминирует.

Сравнение с Германией (по работе Т.П. Шишмаревой) показывает совсем другой баланс интересов. Там супруг-недолжник может требовать принудительного исполнения только через отдельное исковое производство, а в банкротстве его право на половину совместного имущества признаётся вещным и защищённым от кредиторов другого супруга [5, с. 218]. В России же доля в общем имуществе трактуется как идеальная, которая не может быть выделена до раздела, а сам раздел в банкротстве – исключение, да ещё и под контролем собрания кредиторов. В итоге механизм, который должен защищать семейные ценности, работает плохо. В 15% дел супруг-недолжник заявляет о мнимости брачного договора – это косвенно указывает на взаимные злоупотребления: кредиторы подозревают вывод активов, а супруги пытаются сохранить хоть что-то. Проблема усугубляется отсутствием чётких критериев добросовестности, на что справедливо указывает П.А. Ломакина [7, с. 30].

Ограничения нашего исследования связаны с тем, что мы анализировали только акты, попавшие в открытые электронные базы. Многие определения о включении имущества в конкурсную массу обжалуются в ускоренном порядке, и их мотивировочная часть бывает неполной. Кроме того, мы не рассматривали дела, где супруги использовали банкротство для недобросовестного списания долгов, оставляя контроль над активами через подставных лиц. Тем не менее, выборка

репрезентативна по федеральным округам, и выводы можно распространять на общероссийскую практику.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что коллизия между семейным и конкурсным законодательством в сфере банкротства бизнес-активов имеет системный характер и не может быть решена только за счёт судебного усмотрения. Презумпция общности долгов – полезный инструмент против недобросовестных должников, но при отсутствии чётких критериев для её опровержения она лишает добросовестного супруга возможности защитить своё личное имущество. Фактически сложился режим, при котором предпринимательский риск одного супруга перекладывается на другого, что противоречит п. 2 ст. 256 ГК РФ об индивидуальной ответственности по обязательствам.

Научная новизна работы состоит в количественной верификации типологии коллизионных ситуаций и в обнаружении статистически значимой связи между структурой бизнес-актива и судебным решением. Дальнейшие исследования стоит направить на разработку законодательной модели разделения долгов: ввести категорию «предпринимательский долг», где презумпция общности действует только при доказанности того, что средства пошли на семью, и «потребительский долг», где сохранить нынешний подход. Также перспективным выглядит анализ возможности внедрения «семейного фонда» по аналогии с наследственным фондом – это позволило бы обособить часть активов от предпринимательских рисков одного из членов семьи.

Список литературы:

- [1] Бевзенко Р.С. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.03.2021 № 302-ЭС20-19914 (общее имущество супругов в банкротстве) // Вестник экономического правосудия РФ. – 2021. – № 6. – С. 4–18.
- [2] Микрюков В.А. Имущественная ответственность супруга по предпринимательским долгам другого супруга // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 4. – С. 12–16.
- [3] Бевзенко Р.С. Проблемы реализации общего имущества супругов в банкротстве // Арбитражные споры. – 2022. – № 2. – С. 41–57.
- [4] Микрюков В.А. Правовое положение супруга должника при банкротстве гражданина // Арбитражные споры. – 2021. – № 3. – С. 32–40.
- [5] Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. – М.: Статут, 2017. – 432 с.
- [6] Кулаков В.В. Общее имущество супругов

в конкурсной массе должника: теория и практика // Российское правосудие. – 2021. – № 9. – С. 24–33.

[7] Ломакина П.А. Добросовестность супругов в делах о банкротстве: критерии и доказательства // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 2. – С. 28–33.

[8] Шеменева О.Н. Участие супруга должника в деле о банкротстве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 8. – С. 41–46.

[9] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

[10] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

[11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.

[12] Статистический бюллетень ЕФРСБ по банкротству физических лиц за 2023 год. – М.: Единый федеральный реестр сведений о банкротстве, 2024. – 56 с.

References:

[1] Bevzenko R.S. Commentary to the Decision of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the RF Armed Forces dated 17.03.2021 No. 302-ES20-19914 (common property of spouses in bankruptcy) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2021. – № 6. – S. 4-18.

[2] Mikryukov V.A. Property liability of a spouse

for entrepreneurial debts of another spouse // Family and housing law. – 2020. – № 4. – S. 12-16.

[3] Bevzenko R.S. Problems of sale of common property of spouses in bankruptcy // Arbitration disputes. – 2022. – № 2. – S. 41-57.

[4] Mikryukov V.A. Legal status of the debtor's spouse in case of bankruptcy of a citizen // Arbitration disputes. – 2021. – № 3. – S. 32-40.

[5] Shishmareva T.P. Insolvency Institute in Russia and Germany. – M.: Statute, 2017. – 432 s.

[6] Kulakov V.V. Common property of spouses in the bankruptcy estate of the debtor: theory and practice // Russian justice. – 2021. – № 9. – S. 24-33.

[7] Lomakina P.A. Conscientiousness of spouses in bankruptcy cases: criteria and evidence // Family and housing law. – 2021. – № 2. – S. 28-33.

[8] Shemenewa O.N. Participation of the debtor's spouse in the bankruptcy case // Arbitration and civil proceedings. – 2022. – № 8. – S. 41-46.

[9] Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 31.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 1. – Art. 16.

[10] Federal Law No. 26.10.2002 dated 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended by 28.02.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 43. – Art. 4190.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 48 "On some issues related to the peculiarities of the formation and distribution of the bankruptcy estate in bankruptcy cases of citizens" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2019. – № 2.

[12] EFRSB statistical bulletin on bankruptcy of individuals for 2023. – M.: Unified Federal Register of Bankruptcy Information, 2024. – 56 s.

